

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы

Владимир Яковлевич ПОРЯКОВ

доктор экономических наук, профессор

Институт Дальнего Востока РАН, 117997, Нахимовский бульвар, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

ЦИТИРОВАНИЕ: Портяков В.Я. (2019) Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 1. С. 44–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Статья поступила в редакцию 06.10.2018.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-014-00030а.

АННОТАЦИЯ. В декабре 2018 г. отмечается 40-летие начала политики экономических реформ в Китайской Народной Республике. Ее неотъемлемой частью стал курс на внешнеэкономическую открытость страны, пришедший на смену маоцзэдуновской политике автаркии. В статье рассмотрены основные достижения внешней торговли КНР товарами и услугами и трансграничного инвестиционного взаимодействия страны в пореформенный период, показаны сохраняющиеся здесь недостатки и проблемы. Проанализировано формирование в Китае второго этапа внешнеэкономической открытости, ассоциирующегося в первую очередь с инициативой строительства сухопутного и морского «шелковых путей» и с созданием в стране ряда экспериментальных зон свободной торговли.

Рассмотрены возможные перспективы дальнейшего развития внешнеэкономических связей КНР с учетом различных внутренних и внешних факторов. Политика внешнеэкономической открытости Китая в пореформенный период сыграла критически важную, незаменимую роль в модернизации страны и в ее трансформации в одну из ведущих держав мира, в освоении норм и правил функционирования мирового рынка. Китай вошел в число мировых лидеров по объемам торговли, привлечению иностранных инвестиций и инвестированию за рубежом. Пекин хорошо адаптировался к процессу глобализации мировой экономики и стал одним из главных ее бенефициаров. Официальную позицию Китая в настоящее время отличают приверженность глобализации, противодействие протекцио-

низму, курс на активное экономическое сотрудничество по всем направлениям. Такая позиция вполне закономерна, коль скоро внешнеэкономические связи останутся одним из ведущих факторов развития КНР на обозримую перспективу.

На пути достижения провозглашенной Пекином цели – превратить страну из «большой» торговой державы в «могучую» – Китаю предстоит многое сделать не только в деле преодоления слабостей, выявившихся в его внешней торговле и внешнеэкономических связях в целом, но и для более полного учета зачастую справедливых претензий и требований его торгово-экономических партнеров.

В Пекине настойчиво работают над стратегией дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Важное значение придается расширению сети торговых партнеров вдоль маршрутов сухопутного и морского «шелковых путей». Предстоит существенно нарастить долю во внешней торговле и инвестиционной деятельности за рубежом пока отстающих западных территорий страны. Пекин рассчитывает сформировать группу транснациональных компаний с китайским капиталом, обладающих высокой международной конкурентоспособностью. Будут продолжены освоение продукции с высокой добавленной стоимостью, борьба за высокий престиж товаров известных китайских марок, диверсификация способов ведения торговли услугами и товарами, создание новых межгосударственных зон свободной торговли.

В практическом плане на одно из первых по значимости мест выходит функционирование экспериментальных зон свободной торговли в самом Китае. Они призваны отработать перевод внешнеторговой и инвестиционной деятельности КНР на передовые международные стандарты, подготовить дальнейшее открытие китай-

ского рынка (включая финансовые, социальные, образовательные услуги) для иностранных инвесторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китайская Народная Республика, политика внешнеэкономической открытости, внешняя торговля, инвестиции, «инициатива пояса и пути», экспериментальные зоны свободной торговли, перспективы

2018 год – особый год для внешнеэкономического комплекса Китая. Сорок лет назад, в декабре 1978 г., был дан старт политике модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости, которая вывела страну в ряд экономических и политических лидеров современного мира. А пять лет назад, в 2013 г., произошли события, ознаменовавшие поворот Китайской Народной Республики к качественно новому этапу развития внешнеэкономических связей. Это, во-первых, выдвижение лидером страны Си Цзиньпином инициативы строительства нового сухопутного Шелкового пути из Китая в различные регионы Азии, Африку и Европу и «Морского шелкового пути XXI века» и, во-вторых, создание в Шанхае первой экспериментальной зоны свободной торговли, нацеленной на освоение в краткие сроки самой передовой международной практики торгового и инвестиционного взаимодействия с внешним миром.

Китайские ученые быстро уловили огромный потенциал этих новаций и заявили о начале «второго этапа внешнеэкономической открытости», предполагающего перенос центра тяжести с торговли товарами на торговлю услугами, все более тесную связь внешнеэкономической деятельности с научно-техническими инновациями, принципиальным улучшением режима защиты интеллектуальной собственности [Чи Фулинь 2017, с. 3–10].

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) обобщил накопление критической массы новых моментов во внешнеэкономических связях Китая и поставил задачу «стимулировать формирование новой архитектуры всесторонней открытости», «продвигать строительство мировой экономики открытого типа» [Чжунго гунчаньдан 2017, с. 28, 48]. Страну ориентировали на ускорение «взращивания» новых конкурентных преимуществ, повышение места в международном разделении труда, радикальное улучшение региональной структуры внешнеэкономической открытости [Ван Ян 2017].

Благодаря наполнению конкретным содержанием и началу практической реализации «Инициативы пояса и пути», особенно на фоне отказа США от участия в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве, Китай, при всех возможных оговорках, стал лидером и мотором экономической интеграции в Азии [Miller 2017, p. 9].

Настойчивое продвижение Пекином разнообразных проектов в формате «пояса и пути» способствовало лучшему пониманию в мире особенностей нового этапа внешнеэкономической открытости Китая. Ранее приоритетом было привлечение в страну из-за рубежа техники, технологий, инвестиций. Теперь же основной акцент делается на тотальное продвижение вовне китайских товаров, капиталов, услуг.

Попробуем обобщенно показать основные итоги развития внешнеэкономических связей Китая в пореформенный период, охарактеризовать их современное состояние и оценить возможные перспективы на ближайшее будущее.

Внешняя торговля

Внешняя торговля товарами на протяжении всего пореформенного периода оставалась главным структурообразующим направлением внешнеэкономических связей КНР.

Объем внешнеторгового товарооборота страны за этот период вырос в 198,8 раз – с 20,64 млрд долл. в 1978 г. до 4104,5 млрд долл. в 2017 г., в том числе китайский экспорт – более чем в 232 раза (с 9,75 до 2263,52 млрд долл.)¹. При исчислении объема внешней торговли КНР в юанях показатели роста товарооборота, экспорта и импорта оказываются заметно выше – соответственно 782, 914 и 664 раз, а среднегодовой прирост внешнеторгового товарооборота составил 18,6% при среднегодовом приросте ВВП страны за 1979–2017 гг. в 9,5%².

В пореформенный период внешняя торговля КНР росла в целом не только динамично, но и достаточно стабильно. Снижение товарооборота по сравнению с предыдущим годом отмечалось лишь несколько раз. В 1982 г. оно было зафиксировано в юаневом выражении (-5,5%) и объяснялось, в первую очередь, отказом Китая от крупного импорта комплектного нефтехимического и металлургического оборудования из Японии в условиях жесткого сдерживания инвестиций (импорт упал на 12,4%) [Хайгуань тунцзи 2017, с. 112].

В 1998 г. сокращение объема товарооборота на 0,4% было обусловлено ухудшением мирохозяйственной конъюнктуры в условиях азиатского финансового кризиса. Мировой финансовый кризис повлек за собой снижение объема внешней торговли Китая в 2009 г. на

¹ Данные и расчет по Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018, с. 10 (на китайском языке).

² Там же. Различия в показателях объясняется изменением курса юаня по отношению к доллару. Так, в 1981 г. официальный среднегодовой курс составил 170,5 юаней за 100 долларов США, а в 2017 г. – 675 юаней – Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018, с. 164 (на китайском языке).

13,9%. Негативные явления в мировой торговле и, в частности, значительное снижение цен на нефть привели к падению товарооборота на 8% в 2015 г. и еще на 6,8% в 2016 г. В 2017 г. КНР вернулась к позитивной динамике роста внешней торговли (прирост на 11,4%) [Хайгуань тунцзи 2017, с. 112] (см. Таблицу 1).

Помимо кризисных явлений в мировой экономике, некоторое снижение динамики роста китайского экспорта и импорта после прихода к руководству

страной Си Цзиньпина отчасти объясняется падением темпов роста экономики страны в целом до 6,5–7%. Какую-то роль может играть и идущий в КНР процесс трансформации модели экономического роста: здесь центр тяжести переносится с инвестиций и экспорта, занимавших ранее ведущее место, на внутреннее потребление и инновации. Вместе с тем в официальных декларациях Пекина есть доля лукавства: на деле стимулирование экспорта

Таблица 1. Внешнеторговый товарооборот КНР (млрд долл.)
Table 1. Volume of foreign trade of China (bln USD)

Годы / Years	Оборот / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import
1978	20,64	9,75	10,89
1980	38,14	18,12	20,02
1981	44,03	22,01	22,02
1982	41,61	22,32	19,29
1985	69,60	27,35	42,25
1990	115,44	62,09	53,35
1995	280,86	148,78	132,08
1997	325,16	182,79	142,37
1998	323,95	183,71	140,24
2000	474,29	249,20	225,09
2001	509,65	266,10	243,55
2002	620,77	325,60	295,17
2005	1421,91	761,95	659,95
2008	2563,26	1430,69	1132,57
2009	2207,54	1201,61	1005,92
2012	3867,12	2048,71	1818,41
2013	4158,99	2209,00	1949,99
2014	4301,53	2342,29	1959,24
2015	3959,03	2273,47	1679,56
2016	3685,57	2098,15	1587,42
2017	4104,50	2263,52	1840,98

Источники / Sources: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 94; Хайгуань тунцзи. Пекин, 2017. С. 112 (на китайском языке).

продолжается, да и выдвижение инициативы о развитии сотрудничества в формате сухопутного и морского «шелковых путей» прямо связано с поиском новых рынков сбыта для китайских товаров. Любые сбои во внешней торговле крайне болезненны для страны, где с внешнеэкономической деятельностью так или иначе связаны до 100 миллионов работников.

Как бы то ни было, в пореформенный период Китай последовательно поднимался вверх по ступеням «табели о рангах» мировых торговых держав. В 1978 г. по объему внешнеторгового товарооборота он занял 29-е место в мире, в 1990 г. переместился на 16-е, в 2000-м – на 8-е, в 2010-м – на 2-е, а с 2013 г. опередил по этому показателю США и занимает 1-е место (за исключением 2016 г.)³. При этом Китай стал мировым лидером и по экспорту товаров, занимая второе место по импорту вслед за США. Доля КНР в мировом экспорте выросла с 0,75% в 1978 г. до 3% в 1995 г. [Потанов 1998, с. 40], 3,85% в 2000-м, 10,31% в 2010 г. и 13,15% в 2016 г. Доля КНР в мировом импорте несколько меньше: 3,35% в 2000 г., 9% в 2010 г. и 9,78% в 2016 г.⁴

Дешевизна рабочей силы – главное многолетнее сравнительное преимущество страны в международном разделении труда, предоставление широких льгот иностранному капиталу, постепенное снижение тарифных пошлин и смягчение нетарифных барьеров для товаров из КНР на мировом рынке после ее вступления во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 г.⁵ –

таковы основные факторы, способствовавшие постепенному выходу Китая на позиции «мировой фабрики», освоению производства и экспорту постоянно обновляющегося и все более технически сложного ассортимента продукции.

Особую роль сыграло быстрое увеличение количества субъектов внешнеэкономических связей в Китае вслед за переходом страны к политике реформ и внешнеэкономической открытости. Эпоха монополии государственных экспортно-импортных компаний завершилась. На смену дуальной (в виде государственной и коллективной) по формам собственности дореформенной экономике пришло многоукладное хозяйство с динамично растущими количественно и качественно группами предприятий индивидуальной, частной, паевой и акционерной форм собственности. Высокая динамика отличала и рост числа предприятий с участием иностранных инвестиций, прежде всего выделяемых в КНР в самостоятельный уклад предприятий с участием капиталов «соотечественников» (то есть лиц китайского происхождения из Гонконга, Макао и Тайваня). Помогло и то обстоятельство, что Китай на рубеже 1970–1980-х гг. умело воспользовался обновлением производственной специализации в более развитых странах и регионах Восточной и Юго-Восточной Азии, искавших подходящую площадку для переноса вонне производства текстиля, обуви, несложной бытовой техники и т.п.

При этом Китай взял на себя функцию переработчика и сборщика, им-

3 Чжунго тунцзи чайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017, с. 199 (на китайском языке).

4 Рассчитано по: Чжунго тунцзи чайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017, с. 197 (на китайском языке).

5 В соответствии с обязательствами, взятыми на себя Китаем при вступлении в ВТО, общий уровень его таможенных пошлин на импорт был снижен с начальных 15,3 до 9,8% в 2010 г., в том числе на промышленные товары с 14,8 до 8,9%. Средний уровень пошлин на сельхозпродукцию был снижен с 23,2 до 15,2%, что составляет лишь четверть от среднемирового уровня пошлин на эту группу товаров. В январе 2005 г. Китай отменил импортные квоты и лицензии на 424 вида товаров, в т.ч. на автомобили, продукцию машиностроения, основные виды зерновых, хлопок, шерсть [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018] (на китайском языке).

портируя сырье и исходные компоненты и экспортируя готовую продукцию. Этот подход, названный в свое время премьером Чжао Цзяном «размещением обоих концов вовне» («лянтоу цзай вай»), на длительное время предопределил такую важную особенность организационной структуры внешней торговли Китая, как высокая доля в ней «торговли на основе переработки»⁶ и импорта-экспорта предприятий с участием иностранного капитала.

В целом во внешнеторговом товарообороте КНР доля государственных предприятий упала с 42,5% в 2001 г. до 16,3% в 2017 г., а доля предприятий с иностранными инвестициями и предприятий негосударственных секторов экономики выросла за тот же период с 57,7 до 73,7% [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018]. В 2017 г. на обычную торговлю пришлось 56,35% внешнеторгового товарооборота КНР, в т.ч. 54,3% экспорта и 58,8% импорта (рассчитано по: [Хайгуань тунцзи 2017, с. 129]). Остальное дали торговля на основе переработки, операции с пересечением товарами границ беспошлинных зон, лизинг, мелкая приграничная торговля и т.п. Доля предприятий с иноинвестициями составила 44,8% в товарообороте, 43,2% в экспорте и 46,8% в импорте (рассчитано по: [Хайгуань тунцзи 2017, с. 154]).

Многочисленность субъектов внешней торговли, готовность большинства из них быстро реагировать на изменения конъюнктуры рынка способствовали формированию весьма диверсифицированной и одновременно динамично меняющейся **товарной структуры китайского экспорта и импорта**.

Конечно, доминирующая мегатенденция здесь была задана самим по себе набравшим силу процессом модернизации страны. Соответственно, в экспорте КНР поступательно сокращалась доля продукции первичных отраслей (прежде всего продукции сельского хозяйства и добывающего сектора) и, напротив, росла доля готовой промышленной продукции. В 1980 г. они были примерно равны. В 1996 г. соотношение снизилось до 1:3, в 2000 г. – до 1:10. На минимуме в 2015 г. доля продукции первичных отраслей составила лишь 4,8% объема китайского экспорта.

В импорте КНР доля продукции первичных отраслей заметно выше, причем на ряде временных отрезков она не падала, а росла. Так, эта доля с 34,7% в 1980 г. сократилась до минимума в 13,7% в 1993 г., но вновь вернулась на уровень одной трети в первые годы текущего десятилетия (34,65% в 2011 г., 34,9% в 2012 г. и 33,7% в 2013 г.). В 2016 г. она снизилась до 27,7%⁷.

Главный товар, стоящий за данными пертурбациями – нефть. Практически с первых лет проведения политики внешнеэкономической открытости Китай позиционировал себя как обладателя крупных нефтяных запасов. Широко продавались права разведки на нефть и газ и пробного бурения на шельфе Желтого и Южно-Китайского морей. В начале 1980-х гг. начался экспорт китайской нефти в Японию. В 1985 г. Китай вывез свыше 36 млн тонн нефти, а в 1986 г. – около 34 млн тонн⁸. Однако уже в 1989 г. экспорт снизился до 29 млн тонн⁹, а с 1993 г. КНР стала нетто-импортером нефти. При этом ее ввоз, начиная

6 «Торговля на основе переработки» («цзягун маои») включает такие конкретные виды операций, как изготовление изделий по образцам и из материалов заказчика, сборка готовых изделий из предоставленных компонентов. К ним часто присоединяют компенсационную торговлю.

7 Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 95 (на китайском языке).

8 Чжунго тунцзи чжайяо 1987 [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90 (на китайском языке).

9 Чжунго тунцзи чжайяо 1990 [Краткая статистика Китая 1990]. Пекин, 1990. С. 99 (на китайском языке).

с 2000 г., рос беспрецедентными темпами и достиг в 2017 г. 419,5 млн тонн на 162 млрд долл. [Хайгуань тунцзи 2017, с. 168]. Другие крупнейшие статьи импорта Китая продукции первичных отраслей – это железная руда (1074 млн тонн на 76,2 млрд долл.), и соевые бобы (95,5 млн тонн на 39,6 млрд долл.) [Хайгуань тунцзи 2017, с. 167–168].

Высокая доля «торговли на основе переработки», осуществлявшейся при самом активном участии предприятий с иностранными инвестициями, обусловила быструю смену товарной номенклатуры внешней торговли КНР с последовательным появлением в ней технически все более сложных изделий и сопутствующим улучшением позиций страны в цепочках добавленных стоимостей.

Так, в 1985–1986 гг. ведущими статьями китайского экспорта вслед за нефтью были одежда, хлопчатобумажные ткани и зерно. Из машинотехнических изделий в небольших количествах вывозились швейные машины, электровентиляторы и велосипеды. В импорте по стоимости лидировал стальной прокат, за которым с большим отрывом шли автомобили, зерно, древесина, химудобрения. Ввозились такие виды бытовой техники, как телевизоры, видеомагнитофоны, стиральные машины и холодильники¹⁰.

В 1990-е гг. был налажен массовый экспорт фотоаппаратов, телевизоров, различной аудио-видеоаппаратуры, а в конце десятилетия – и персональных компьютеров.

К 2003 г. КНР стала крупным экспортером широкой гаммы продукции электроники, компьютерной техники и средств связи. В импорте на одну из ведущих позиций (около 10%) вышел

ввоз интегральных схем и электронных платформ, а в целом доля машин и оборудования достигла 54,5%, в т.ч. высокотехнологичной продукции – 28,8%¹¹.

В 2012 г. ведущие позиции в вывозе КНР заняли (в порядке убывания) одежда, компьютеры и планшеты, мобильные телефоны, интегральные схемы, стальной прокат, мебель, обувь, автомобили и суда, а во ввозе, соответственно, нефть, интегральные схемы, железная руда, автомобили, оборудование и запчасти для компьютерной техники, пластмассы, медь [Портяков 2018, с. 325].

В целом, по некоторым оценкам, доля потребительских товаров в экспорте КНР снизилась с 49% в 1997 г. до 37% в 2012 г. при одновременном росте доли инвестиционных товаров с 5 до 15% и деталей и компонентов с 4 до 13% [Lemoine, Unal 2017, р. 9]. При этом торговля Китая с развитыми странами отличалась весьма высокой долей машин и оборудования. Так, в 2012 г. она составила 50,8% в экспорте КНР в ЕС и 62,5% в импорте, в торговле с США – соответственно, 52,6 и 41,4%, в торговле с Японией – 45,1 и 64,6% [Портяков 2018, с. 326–327]. Тем не менее, несмотря на близость товарной структуры китайского экспорта к таковой у развитых стран, ряд экспертов рассматривал это явление как некую «статистическую иллюзию» из-за невысокой добавленной стоимости в процессе переработки, особенно в высокотехнологичных отраслях [Lemoine, Unal 2017, р. 5].

Такая ситуация стимулирует Китай к активному импортозамещению, прежде всего в компонентной базе. На это, в частности, ориентирована программа развития машиностроения страны «Сделано в Китае 2025», вызвавшая, к

10 Чжунго тунцзи чайяо 1987 [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90–91 (на китайском языке).

11 Рассчитано по: Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика]. Пекин, 2003. № 12. С. 9, 25, 30 (на китайском языке).

слову сказать, серьезное недовольство на Западе именно стремлением Пекина снизить зависимость от импорта в высокотехнологичных областях. КНР построена и далее активно улучшать свои позиции в цепочках добавленных стоимостей, видя в этом важную составную часть своего превращения из «большой» торговой державы в «мощную».

В 2017 г. Китай экспортировал 1294,8 млн телефонов, в основном мобильных и беспроводных, 201,8 млн электронных вычислительных устройств (в основном различных компьютеров), 52 млн кондиционеров, 49,5 млн холодильников, 23 млн стиральных машин, 81,5 млн цветных телевизоров, свыше 1 млн автомобилей и более 8 тыс. судов. В то же время, баланс в торговле интегральными схемами остается не в пользу Китая: их экспорт составил 45,2 млрд долл., а импорт – 175,9 млрд долл. [Хайгуань тунзци 2017, с. 54–55, 64].

Особенности товарной структуры внешней торговли Китая в значительной мере предопределяют и ее **географию**. Напомним, что внешнеэкономические связи КНР целенаправленно переориентированы с СССР и социалистического лагеря на мировой рынок еще в 1960-е гг. Это объяснялось не только ухудшением политических китайско-советских отношений, но и свертыванием в тот период импорта комплектного оборудования и повышенной потребностью Пекина в зерне и другой сельхозпродукции, которую не могли удовлетворить Советский Союз и его партнеры по Совету экономической взаимопомощи. Старт реформ пришелся на очередной виток ухудшения отношений Китая с СССР – сначала из-за китайско-вьетнамской войны весной 1979 г., а затем и вследствие ввода советских войск в Афганистан. Вполне логично, что приоритет развитых государств во внешней торговле КНР усилился, чему помогло и уста-

новление дипломатических отношений с США 1 января 1979 г. Поэтому, как откровенно признавали китайские ученые-экономисты, на начальном этапе реформ внешнеэкономическая открытость Китая стала на деле открытостью исключительно по отношению к Западу. Что касается Советского Союза, то он попытался было усилить свои позиции на китайском рынке, предложив в середине 1980-х гг. программу реконструкции части предприятий, сооруженных в 1950-е гг. с его помощью, однако серьезных практических шагов за этим не последовало.

Так что ведущими торговыми партнерами КНР стабильно остаются Европейский Союз, где лидирует Германия, США, азиатские соседи – Япония, Республика Корея и также учитываемые в статистике в качестве внешнеторговых партнеров Тайвань и Гонконг. При этом доли отдельных партнеров, как правило, менялись незначительно. Так, доля ЕС в китайском экспорте составила 18,8% в 2006 г. и 15,6% в 2015 г., доля США – соответственно, 21 и 18%, доля стран и регионов Восточной Азии – 39,6 и 39,1%. При этом, однако, доля стран АСЕАН существенно выросла благодаря созданию зоны свободной торговли с Китаем – с 7,4% в 2006 г. до 12,2% в 2015 г. Доли Тайваня (обозначен как «китайский Тайбэй») и Республики Корея сохранились на близких уровнях (соответственно 2 и 4%), тогда как доля Японии вследствие ухудшения политических отношений с Китаем упала с 9,5 до 6% [China Trade Report 2016, pp. 27–28].

В импорте КНР имело место снижение доли Японии – с 14,6% в 2005 г. до 8,5% в 2015 г. при росте доли США с 7,5 до 8,8% [China Trade Report 2016, pp. 30–31].

Россия достигла рекордного уровня торговли с Китаем в 2014 г. – 95,28 млрд долл. [Report on the Foreign Trade Situation of China 2015, p. 6], после чего слу-

чился обвал, вызванный резкими падением мировых цен на нефть – основной товар российского экспорта в Китай. Максимум в 5–6% доля России во внешней торговле КНР достигла в первые постсоветские годы, но с начала

нынешнего столетия держится примерно на уровне 2%.

Более полное представление о географическом распределении внешней торговли КНР в последние годы дает Таблица 2.

Таблица 2. Географическая структура внешней торговли КНР в 2016–2017 гг., млрд долл.
Table 2. Geographical structure of China's foreign trade in 2016–2017, bln USD

Наименование / Name	2016			2017		
	Оборот / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import	Оборот / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import
Всего / Total	3685,57	2098,15	1587,42	4104,50	2263,52	1840,98
Азия / Asia	1948,11	1042,27	905,84	2125,72	1096,35	1029,37
в т.ч. Индия / including India	70,15	58,59	11,76	84,40	68,06	16,34
Япония / Japan	274,78	129,26	145,52	302,97	137,32	165,65
страны АСЕАН / ASEAN countries	452,20	255,98	196,22	514,81	279,12	235,69
Республика Корея / The Republic of Korea	252,57	93,70	158,87	280,26	102,75	177,51
Тайвань / Taiwan	179,59	40,37	139,22	199,37	43,99	155,38
Гонконг / Hong Kong	304,57	287,72	16,85	286,66	279,34	7,32
Европа / Europe	677,36	389,66	287,70	755,88	429,06	326,82
в т.ч. Россия / including Russia	68,56	37,33	32,23	84,09	42,90	41,19
Европейский Союз / European Union	547,02	339,05	207,97	616,91	377,04	244,87
Африка / Africa	149,11	92,21	56,90	170,00	94,74	75,26
в т.ч. ЮАР / including South Africa	35,34	12,85	22,49	39,17	14,82	24,35
Латинская Америка / Latin America	216,56	113,86	102,70	257,85	130,83	127,02
в т.ч. Бразилия / including Brazil	67,71	21,97	45,74	87,54	28,96	58,58
Северная Америка / North America	565,43	412,62	152,81	635,71	461,27	174,44
в т.ч. США / including USA	519,48	385,08	134,40	583,69	429,75	153,94
Океания / Oceania	127,89	47,51	80,38	158,93	51,28	107,67
в т.ч. Австралия / including Australia	107,95	37,29	70,66	136,26	41,44	94,82

Источник / Source: Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика]. Пекин, 2016, № 12. С. 114–121; 2017, № 12. С. 114–121 (на китайском языке).

Торговля услугами

В течение двух десятилетий после старта политики реформ и внешнеэкономической открытости Китай не уделял должного внимания торговле услугами, прежде всего вследствие определенного отставания третичной сферы экономики в стране в целом. При этом Пекин, не располагавший крупным торговым флотом, вынужденно мирился с большим дефицитом операций по статье «транспортные услуги», коль скоро подавляющая часть его экспортных грузов перевозилась потребителям на иностранных морских судах. Положительное сальдо давало лишь оказание Китаем строительных услуг за рубежом.

Ситуация радикально изменилась после присоединения КНР к ВТО. Китай взял на себя серьезные обязательства по открытию внешнему миру торговли услугами. Центральное правительство страны упразднило 2300 нормативных актов и ведомственных правил, не отвечавших нормам ВТО. Одновременно была принята серия нормативных актов о доступе иностранных поставщиков услуг в банковскую, страховую, строительную и транспортную отрасли. Китай активизировал международное сотрудничество и повысил свою конкурентоспособность в таких сферах, как телекоммуникации и Интернет.

Результатом стала резкая активизация торговли услугами, по объему которой Китай с 12-го места в мире переместился на 2-е. За период 2001–2017 гг. импорт услуг КНР вырос с 39,3 до 467,6 млрд долл. при среднегодовом приросте 16,7%. Доля страны в мировом импорте услуг приблизилась к 10% [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018]. Объем экспорта услуг Китаем вырос за

тот же период с 31 до 228,2 млрд долл. при среднегодовом приросте 13,3%¹². Несомненно, сыграло свою роль общее развитие сферы услуг в Китае. В частности, большие масштабы приобрел выездной туризм. Так, в 2017 г. за рубеж выезжали с туристическими целями 130 млн граждан КНР, израсходовавших на поездки свыше 115 млрд долл. [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018].

В целом на традиционные виды услуг – транспортные, туристические, строительные – пришлось около двух третей всей китайской торговли услугами в 2017 г. Китай стабильно имеет крупный дефицит в торговле транспортными и туристическими услугами и положительное сальдо по строительным услугам.

В торговле новыми видами услуг у Китая наиболее сильные позиции в сфере телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Напротив, КНР имеет существенный отрицательный баланс в обмене страховыми услугами и особенно в плате за использование прав интеллектуальной собственности (см. Таблицу 3). Впрочем, данное обстоятельство в КНР рассматривают как свидетельство быстрого повышения технического уровня предприятий страны [Чжунго фуу маои чжуанкуан 2018].

По итогам 2017 г. на торговлю услугами пришлось 14,5% общего объема внешней торговли Китая товарами и услугами. Китайские эксперты полагают этот уровень недостаточным, коль скоро в международной торговле в целом данный показатель составляет порядка 20%. В частности, в 2014 г. в США он был равен 28,3%, в Германии 21,8%, в Японии 23%, а в Индии, специализирующейся на аутсорсинге, 35,4% [China Trade Report 2016, p. 67].

12 Син Хоуань. Торговля услугами // Китай. Пекин–Москва. Август 2018. С. 33.

Таблица 3. Торговля Китая услугами в 2017 г. (млрд долл.)
Table 3. China's trade in services in 2017 (bln USD)

Виды услуг / Types of services	Объем торговли / Volume of trade	Экспорт / Export	Импорт / Import	Сальдо / Balance
Услуги, всего / Services, total	695,98	228,19	467,79	–239,60
Транспорт / Transportation	130,10	37,12	92,98	–55,86
Туризм / Tourism	293,71	38,82	254,89	–216,07
Строительство / Construction	32,50	23,93	8,57	15,36
Страхование / Insurance	14,46	4,05	10,41	–6,36
Финансовые услуги / Financial services	5,31	3,70	1,61	2,09
Телекоммуникационные, компьютерные, информационные услуги / Telecommunication, computer, information services	46,96	27,78	19,18	8,60
Оплата использования прав интеллектуальной собственности / Intellectual property payments	33,35	4,76	28,59	–23,83
Индивидуальные, досуговые и культурные услуги / Individual, leisure and cultural services	3,51	0,76	2,75	–1,99
Ремонтные услуги / Repair services	8,20	5,93	2,27	3,66
Услуги по переработке / Recycling services	18,25	18,07	0,18	17,89
Прочие коммерческие услуги / Other commercial services	104,43	61,56	42,87	18,69
Правительственные услуги / Government services	34,84	11,49	23,35	–11,86

Составлено и рассчитано по данным / Source: Чжунго фу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf, дата обращения 31.01.2019.

В КНР уделяют большое внимание совершенствованию торговли услугами и наращиванию ее масштабов, видя в этом важное направление своей трансформации из «большой» торговой державы в «сильную».

В начале 2015 г. Госсовет КНР обнародовал «Предложения по ускорению развития торговли услугами», ориентированные на дальнейшее открытие сферы услуг в стране и наращивание китайских зарубежных инвестиций в данный сектор. В августе 2015 г. Госсовет учредил межминистерское совещание для координации деятельности ведомств по торговле услугами. Одна из задач данного органа – содействовать

развитию торговли новыми видами услуг, в т.ч. в сферах культуры, анимации, дизайна, биологии и медицины. В ноябре 2015 г. было подписано соглашение о либерализации торговли услугами между материковым Китаем и Гонконгом, в соответствии с которым Китай открыл для Гонконга 153 вида услуг из 160, входящих в перечень ВТО [China Trade Report 2016, pp. 69–70].

Практическая отработка углубленного сотрудничества между материком и Гонконгом в сфере услуг идет в районе Цяньхай г. Шэньчжэня (он входит в шэньчжэньский участок Гуандунской экспериментальной зоны свободной торговли). Созданы специальные меха-

низмы сотрудничества в торговле услугами с Германией, Австралией, Великобританией. Китай продвигает такое сотрудничество и в рамках БРИКС.

С целью финансовой поддержки регионов и предприятий, осваивающих инновационные виды услуг, в стране учрежден специальный фонд объемом в 30 млрд юаней¹³.

Инвестиции

Одним из основных направлений внешнеэкономической деятельности КНР в период реформ стало **привлечение зарубежного капитала**. На первых порах преобладали займы и кредиты международных финансовых организаций (Китай вступил в Международный валютный фонд и Всемирный банк в 1980 г.) и зарубежных правительств. Объем таких заимствований составил за период 1979–2000 гг. 147,14 млрд долл., в т.ч. 15,56 млрд – в 1979–1985 гг., 30,13 млрд – в 1986–1990 гг., 45,58 млрд – в 1991–1995 гг. и 55,9 млрд в 1996–2000 гг.¹⁴ Получение Китаем государственных займов и кредитов после 2000 г. в статистике не зафиксировано.

Вместе с тем уже в первые пореформенные годы Пекин начал активно привлекать прямые иностранные инвестиции, прежде всего в создание совместных предприятий (закон о них был принят парламентом страны летом 1979 г.).

В середине 1980-х гг. наряду с совместными было также разрешено создание кооперативных предприятий и предприятий, полностью основанных

на иностранном капитале. Последняя форма и стала наиболее успешной: так, в 2016 г. из общего объема практически использованных иностранных инвестиций в 126 млрд долл. на совместные предприятия пришлось 30,2 млрд долл. (около 24%), на кооперативные 0,83 млрд долл. (0,65%), а на иностранные – 86,13 млрд долл. (68,35%). Еще 8,84 млрд долл. (7%) использовано паевыми предприятиями с участием иностранного капитала¹⁵.

До начала 1990-х гг. Китай привлекал больше займов, чем прямых зарубежных инвестиций. С 1992 г. прямые инвестиции из-за рубежа устойчиво становятся главным каналом получения Пекином иностранных капиталовложений. С 2010 г. их ежегодный объем превышает 100 млрд долл. Судя по официальным данным, КНР за период реформ, т.е. за 1979–2017 гг., использовала в совокупности около 1,9 трлн долл.¹⁶ прямых зарубежных инвестиций, став одним из мировых лидеров по этому показателю.

Впрочем, элемент недоверия мирового экспертного сообщества к китайским данным по привлечению прямых иностранных инвестиций присутствует, что объясняется очень высокой долей Гонконга в их общем объеме (как правило, 60–70%) и весомым вкладом офшоров, особенно Виргинских и Каймановых островов. Предполагается, что через островные офшоры китайские предприниматели прокручивают собственный капитал с целью получения льгот, предназначенных для иностранных инвестиций. Среди других

13 Туйдун хоу маои хэ фуу маои сетун фачжань [Продвигать скоординированное развитие торговли товарами и услугами] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/2018050809573056.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

14 Данные и расчет по: Чжунго тунцзи чайяо 2017. С. 104 (на китайском языке).

15 Данные и расчет по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин. 2017. Таблица 11–15 (на китайском языке).

16 Точнее, 1896,57 млрд долл. Данные и расчет по: Чжунго тунцзи чайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин. 2018. С. 103 (на китайском языке).

стран и регионов по объему инвестиций в КНР лидируют Япония, Сингапур, Республика Корея, США (см. Таблицу 4).

Отраслевая структура привлеченных зарубежных инвестиций менялась вслед за сменой приоритетов развития страны и сдвигами в структуре народного хозяйства. В 2016 г. лидерами были перерабатывающие отрасли (35,5 млрд долл., или 28% от общего объема использованных инвестиций), недвижимость (19,65 млрд долл. – 15,6%), деловые услуги (16,13 млрд долл. – 12,8%) и розничная торговля (15,27 млрд долл. – 12,6%)¹⁷.

Из зарегистрированных в КНР на конец 2016 г. 505 тыс. предприятий с иностранными инвестициями 154 тыс. действовали в перерабатывающих отраслях, 121,5 тыс. – в оптовой и розничной торговле, 56,4 тыс. – в сфере деловых услуг, 43,2 тыс. – в информатике¹⁸.

Китай в последние годы обрел широкую известность не только как получатель капиталовложений из-за рубежа, но и как достаточно крупный международный инвестор. Первые **китайские инвестиции за рубежом** датируются серединой 1980-х гг., однако бо-

Таблица 4. Привлечение Китаем прямых иностранных инвестиций (млрд долл.)
Table 4. Foreign direct investment in China (bln USD)

Страна, регион / Country, region	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Инвестиции, всего / Investment, total	105,7	116,0	111,7	117,6	119,6	126,3	126,8	131,0
Япония / Japan	4,1	6,3	7,4	7,1	4,3	3,2	3,1	3,3
Сингапур / Singapore	5,4	6,1	6,3	7,2	5,8	6,9	6,0	4,8
Республика Корея / The Republic of Korea	2,7	2,6	3,0	3,1	4,0	4,0	4,8	3,7
Великобритания / UK	0,7	0,6	0,4	0,4	0,7	0,5	1,4	1,0
Германия / Germany	0,9	1,1	1,5	2,1	2,1	1,6	2,7	1,5
Франция / France	1,2	0,8	0,7	0,8	0,7	1,2	0,9	0,8
Каймановы о-ва / Cayman Islands	2,5	2,2	2,0	1,7	1,3	1,4	5,2	2,2
Виргинские о-ва / Virgin Islands	10,4	9,7	7,8	6,2	6,2	7,4	6,7	4,0
Канада / Canada	0,6	0,5	0,4	0,5	0,4	0,2	0,3	0,3
США / USA	3,0	2,4	2,6	2,8	2,4	2,1	2,4	2,6
Австралия / Australia	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3
Гонконг / Hong Kong	60,6	70,5	65,6	73,4	81,3	86,4	81,5	94,5
Тайвань / Taiwan	2,5	2,2	2,8	2,1	2,0	1,5	2,0	1,8

Источник / Source: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 103; Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018. С. 102 (на китайском языке).

¹⁷ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин, 2017. Таблица 11–16 (на китайском языке).

¹⁸ Рассчитано по: Чжунго тунцзи няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин, 2017. Таблица 11–16 (на китайском языке).

лее-менее значительные масштабы они приобрели с начала 2000-х гг., вслед за провозглашением стратегии выхода отечественного капитала «вовне» («цзоу чжунь»). В 2003 г. был обнародован первый статистический справочник о зарубежных инвестициях китайских компаний.

Во втором десятилетии XXI в. масштабы инвестиций резко выросли, стали заметно меняться их география и формы. Если ранее преобладали капиталовложения в добывающие отрасли в развивающихся странах и традиционно – в Гонконг, то с 2010 г. активизируются вложения Китая в активы в США и Европе через «слияния и поглощения» [Miller, Kratz 2016, p. 38]. Это облегчало китайскому бизнесу проникновение на рынки развитых стран и закрепление на них.

Дополнительным стимулом стала инициатива Си Цзиньпина о развитии инфраструктуры и экономического сотрудничества на маршрутах современных сухопутного и морского «шелковых путей», в которую вовлечены десятки государств. Одно из важных направлений ее реализации – вынос избыточных производственных мощностей из КНР в страны вдоль «пояса и пути», влекущий за собой инвестиции из Китая в виде оборудования, строительных услуг и т.п. Так, китайские предприятия по выплавке стали (один из главных «избыточных продуктов» в КНР) работают в Малайзии (3,5 млн т), Индонезии (3 млн т), Сербии (2,2 млн т), строятся в Индонезии (на 6 млн т), Индии (на 2 млн т) и планируются в Бразилии (2 млн т)¹⁹. Соглашения по переносу производственных мощностей заключены с Казахстаном и Киргизией.

Китайские инвестиции за рубежом достигли пика в 2016 г., что отчасти

объясняется активным выводом капиталов из страны в условиях жесткой антикоррупционной кампании, инициированной Си Цзиньпином (см. Таблицу 5).

Обращает на себя внимание безоговорочное лидерство Гонконга: на него приходится свыше 65% инвестиций из КНР в 2016 г. и 67% – в их накопленном итоге. Значителен и объем вывода средств в офшоры – на Каймановы и Виргинские острова: 25,8 млрд долл. в 2016 г. (12,5% от общей суммы) и около 193 млрд долл. (14,2%) в накопленном итоге. Тем не менее Китаю в плане инвестиций удалось многого добиться в странах АСЕАН, в Австралии. Очевидна и значительная экономическая взаимозависимость между КНР и США, о чем свидетельствует солидный объем накопленных китайских инвестиций в Америке – 60,5 млрд долл. Для сравнения – их объем в России составил на конец 2016 г. около 13 млрд долл.

Китайские инвестиции в Европу призваны обеспечить закрепление компаний из КНР на европейском рынке и нарастить обратный поток грузов в Китай на главном маршруте сухопутного шелкового пути. Статистика китайских инвестиций в Европу весьма противоречива и требует уточнения. Пока китайские данные намного меньше европейских. Например, в 2016 г. Китай оценивал свои инвестиции в Европе в 10,7 млрд долл., а эксперты из берлинского Института китайских исследований «Меркатор» – в 35 млрд евро.

Заметно разнятся и данные по накопленному итогу китайских инвестиций в конкретных странах [Hanemann, Huotari 2018] (возможно, китайские статистики оперируют фактически использованными инвестициями, а европейские – инвестициями по соглашениям).

19 Дэлтон М., Вэй Л. (2018) Миграция китайского металла // Ведомости. 6 июня 2018.

Таблица 5. Китайские инвестиции за рубежом в 2016 г. (млн долл.)
Table 5. China's foreign investment in 2016 (mln USD)

Страна, регион / Country, region	Инвестиции в 2016 г. / Investment in 2016	Накопленный итог на конец 2016 г. / Capital stock at the end of 2016
Всего / Total	199 149*	1357 390
Азия / Asia	130 267	909 455
Гонконг / Hong Kong	114 232	780 744
Сингапур / Singapore	3 171	33 445
Индонезия / Indonesia	1 461	9 545
Вьетнам / Vietnam	1 279	4 983
Таиланд / Thailand	1 121	4 533
Республика Корея / The Republic of Korea	1 148	4 237
Африка / Africa	2 398	39 877
Европа / Europe	10 693	87 202
Великобритания / UK	1 480	17 612
Германия / Germany	2 380	7 841
Франция / France	1 499	5 116
Россия / Russia	1 293	12 979
Латинская Америка / Latin America	27 227	207 152
Каймановы о-ва / Cayman Islands	13 522	104 208
Виргинские о-ва / Virgin Islands	12 288	88 766
Северная Америка / North America	20 351	75 472
США / USA	16 980	60 580
Океания / Oceania	5 211	38 240
Австралия / Australia	4 186	33 350

Источник / Source: Чжунго тунци чжайяо 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин. 2017. Таблица 11–19 (на китайском языке).

* В сообщении Госкомитета КНР по статистике об итогах 2016 г. величина инвестиций за рубежом определена в 170,1 млрд долл. В докладе Министерства коммерции КНР об инвестициях за рубежом в 2016 г. фигурирует третья цифра – 196,15 млрд долл.

В отраслевой структуре китайских инвестиций за рубежом ведущие позиции заняли: деловые услуги (33,5% от общего объема), перерабатывающие отрасли (14,8%), оптовая и розничная тор-

говля (10,7%), передача информации и информационные услуги (9,5%), недвижимость (7,8%), денежно-кредитная сфера (7,6%), услуги населению (2,8%), строительство (2,2%)²⁰.

20 2016 няньду Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунци гунбао [Статистическое коммюнике о зарубежных инвестициях Китая в 2016 г.] // images.mofcom.gov.cn/fec/201711/20171114083528539.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

В 2017 г. объем инвестиций КНР за рубежом снизился на 29,4% и составил 120,1 млрд долл²¹. Отчасти это объясняется ужесточением контроля за вывозом капитала из Китая. Однако главным фактором стало более осторожное отношение к китайским инвестициям в развитых странах, особенно в США и Европе. Пекин сталкивается и со случаями отказа ряда развивающихся стран после смены правительств от строительства объектов с китайскими инвестициями.

Одной из важных отличительных особенностей внешнеэкономической политики КНР в пореформенный период стало апробирование **различных форматов территориальной открытости**. В их числе – специальные экономические зоны, открытые приморские города, районы технико-экономического развития, открытые приморские районы, зоны развития высоких технологий, зоны беспошлинной торговли и т.д. [Потанов 1998, с. 271–272]. Как правило, главным преимуществом этих образований была льготная ставка налогообложения: 24, 15 и даже 10% по сравнению с уровнем подоходного налога в 33% для обычных национальных предприятий.

Наибольшую известность и в самом Китае, и в мире обрели специальные экономические зоны (СЭЗ) «первой волны» – Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, созданные в 1980 г. В 1988 г. статус СЭЗ получил о. Хайнань. Специальные экономические зоны сыграли поистине уникальную роль в модернизации страны и развитии внешнеэкономических связей Китая, став не только «окном в мир», «стыковочным

узлом» с мировым рынком, но и экспериментальной площадкой для отработки широкого спектра реформенных нововведений – от реформы заработной платы и отпуска цен на продовольствие до создания центров валютной торговли и бирж ценных бумаг.

Очевидны и достижения в развитии самих СЭЗ. Если в 1979 г. совокупный объем валового регионального продукта (ВРП) Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу, Сямэни и о. Хайнань не достигал и 4 млрд юаней, а его доля в ВВП страны составляла менее 1%, то в 2017 г. эти показатели достигли, соответственно, 3617 млрд юаней и 4,4%, а среднедушевой ВРП пяти территорий был равен 16372 долл. США – вдвое выше среднекитайского. Объем внешней торговли пяти СЭЗ вырос с 0,2 млрд долл. до 550 млрд долл., а их доля во внешнеторговом товарообороте Китая выросла с 0,4 до 13,5%²². Безусловным лидером здесь является Шэньчжэнь, ставший наиболее успешной китайской СЭЗ. По годовому объему внешней торговли (в 2017 г. – около 414 млрд долл.) он с начала 2000-х гг. соперничает за первое место с Шанхаем, в большинстве случаев опережая его.

Внушительны и итоги привлечения Шэньчжэнем зарубежных капиталовложений. За 1979–2017 гг. здесь в общей сложности были использованы прямые иностранные инвестиции на сумму около 90 млрд долл. (см. Таблицу 6), что составляет 4,7% от общекитайского показателя (доля ВРП Шэньчжэня в ВВП КНР – около 2,5%).

Следует подчеркнуть, что достаточно высокие параметры использования Шэньчжэнем иностранных инвестиций

21 Чжунхуа жэньминь гунхэго 2017 нянь гоминь цзинци хэ шэуи фачжань тунци гунбао [Статистическое коммюнике об экономическом и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2017 г.] // Жэньминь жибао. 1 марта 2018 (на китайском языке).

22 Синь шидай цзинци тэцуй дэ синь шимин син динвэй [Новый статус и новая миссия специальных экономических зон в новую эпоху] // Жэньминь жибао. 2 сентября 2018 (на китайском языке).

Таблица 6. Использование прямых иностранных инвестиций в Шэньчжэне (млн долл.)
Table 6. Foreign direct investment in Shenzhen (mIn USD)

Год / Year	Инвестиции / Investment	Год / Year	Инвестиции / Investment
1979	5	1999	1778
1980	28	2000	1961
1981	86	2001	2591
1982	58	2002	3191
1983	113	2003	3623
1984	186	2004	2350
1985	180	2005	2969
1986	365	2006	3269
1987	274	2007	3662
1988	287	2008	4030
1989	293	2009	4160
1990	390	2010	4297
1991	399	2011	4599
1992	449	2012	5299
1993	989	2013	5468
1994	1250	2014	5805
1995	1310	2015	6497
1996	2051	2016	6732
1997	1661	2017	7401
1998	1664		

Составлено по / Source: Шэньчжэнь тунци няньчжэнь 2017 [Статистический ежегодник Шэньчжэня 2017]. Пекин–Шэньчжэнь. 2017. Таблица 13–4, с. 322; Шэньчжэнь 2017 нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуй фачжэнь тунци гунбао [Статистическое коммунике об экономическом и социальном развитии Шэньчжэня в 2017 г.] // www.zftj.gov.cn/xxgk/zfxgkme/tjsj/tjgb/201804/20180416-11765330.htm, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

сохранились и после того, как в период 2008–2012 гг. ставка подоходного налога здесь была поэтапно повышена до общенационального уровня в 25% (введена в 2007 г.). Привлекательность как Шэньчжэня, так и Китая в целом для иностранных инвесторов все в большей мере определяется емкостью китайского рынка, а не налоговыми льготами.

Перспективы

Подводя краткие итоги политики внешнеэкономической открытости Китая в пореформенный период, можно констатировать, что она сыграла критически важную незаменимую роль в модернизации страны и в ее трансформации в одну из веду-

сих держав мира, в освоении норм и правил функционирования мирового рынка. Китай вошел в число мировых лидеров по объемам торговли, привлечению иностранных инвестиций и инвестированию за рубежом. Пекин хорошо адаптировался к процессу глобализации мировой экономики и стал одним из главных ее бенефициаров. Официальную позицию Китая в настоящее время отличают приверженность глобализации, противодействие протекционизму, курс на активное экономическое сотрудничество по всем направлениям. Такая позиция вполне закономерна, коль скоро внешнеэкономические связи останутся одним из ведущих факторов развития КНР на обозримую перспективу.

На пути достижения провозглашенной Пекином цели – превратить страну из «большой» торговой державы в «мощную» – Китаю предстоит многое сделать не только в деле преодоления слабостей, выявившихся в его внешней торговле и внешнеэкономических связях в целом, но и для более полного учета зачастую справедливых претензий и требований его торгово-экономических партнеров. В числе основных проблем здесь назовем высокий уровень «китаезависимости» у большой группы стран²³, все еще недостаточный уровень качества электроники и машинотехнической продукции китайского производства (Китай подчас обвиняют в том, что он «уронил» мировой стандарт качества), случаи агрессивного вытеснения китайским экспортом продукции национальных производителей, в т.ч. на рынках третьих стран (особенно ха-

рактерен пример Италии), увязка предоставления Китаем инвестиций с закупкой его техники и использованием китайской рабочей силы.

В Пекине много работают над стратегией дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Декларируется необходимость ускорить переход к новым факторам развития внешней торговли и обновлению ее структуры, возвращать новые сравнительные преимущества в конкурентоспособности, перейти от быстрого роста к росту качественному.

Методологически взят курс на «пять улучшений», или оптимизаций²⁴. Это, во-первых, формирование более широкой сети торговых партнеров, еще более активное использование мирового рынка. Особое значение придается дальнейшей активизации связей вдоль маршрутов сухопутного и морского «шелковых путей». Соответствующие страны все чаще выделяются в отдельную группу в китайской статистике внешнеэкономических связей. Так, в докладе Минкоммерции о внешней торговле Китая отмечается, что объем его торговли со странами «пояса и пути» в 2017 г. вырос на 17,8% – на 3,6 процентных пункта больше роста товарооборота в целом [Чжунго дуйвай маои синши баогао 2018]. Инвестиции КНР в страны «пояса и пути» в 2017 г. составили 14,4 млрд долл.²⁵ (в ряде материалов число таких стран определено в 54).

Во-вторых, улучшение территориального распределения внешней торговли и инвестиционной деятельности в самом Китае. По свидетельству вице-премьера Ван Яна (в марте 2018 г. занял

23 В 2010 г. журнал *Economist* пустил в оборот специальный термин «sinodependancy», рассчитывавшийся сначала для компаний, а затем и для стран как доля ВВП, «вывозимая» через экспорт в КНР [Портяков 2018, с. 329–330].

24 Туйдун ваймао ю гаосу цзэнчжан чжуань сянь гао чжилян фачжань [Стимулировать поворот внешней торговли от развития высокими темпами к качественному развитию] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20180508095959091.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

25 <http://russian.people.com.cn/n3/20180126/c31518-9420283.html>

пост председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая), на западные регионы страны приходится 72% территории и 27% населения, но лишь 7% объема внешней торговли КНР и 7,6% привлеченных ею иностранных инвестиций [Ван Ян 2018].

В-третьих, техническое, институциональное, управленческое обновление предприятий – субъектов внешнеэкономических связей, поощрение к выходу на мировой рынок малых и средних предприятий, формирование группы головных предприятий и транснациональных компаний с китайским капиталом, обладающих высокой международной конкурентоспособностью.

В-четвертых, оптимизация товарной структуры торговли, освоение продукции с высокой добавленной стоимостью и борьба за высокий престиж товаров известных китайских марок.

В-пятых, улучшение существующих и поиск новых способов ведения торговли, всемерное развитие торговли услугами и товарами.

В практическом плане на одно из первых по значимости мест выходит **функционирование экспериментальных зон свободной торговли**²⁶. Они призваны отработать переход внешне-торговой и инвестиционной деятельности КНР на передовые международные стандарты, подготовить дальнейшее открытие китайского рынка (включая финансовые, социальные, образовательные услуги) для иностранных инвесторов. Часть экспериментальных зон (в Сиани, Чунцине, Чэнду) ориентирована на подтягивание к мировым стандартам внешнеэкономической дея-

тельности западных регионов Китая и обеспечение высокого качества экономического взаимодействия КНР с государствами вдоль сухопутного пояса «Шелкового пути». С середины 2018 г. одна из главных наработок экспериментальных зон – принцип «негативного списка» в привлечении зарубежных инвестиций распространен на весь Китай (т.е. разрешены инвестиции во все сферы, не вошедшие в соответствующий «запретительный» перечень, который количественно ежегодно сокращается).

Пекин декларирует готовность существенно **увеличить импорт товаров** из-за рубежа, способствуя тем самым снижению своего крупного положительного сальдо в торговле товарами. В ближайшее пятилетие совокупный импорт КНР может достичь 8 триллионов долларов²⁷. В середине 2018 г. снижены импортные пошлины на автомобили и ряд потребительских товаров, в ноябре 2018 г. в Шанхае проведена первая в истории страны китайская международная выставка импортных товаров.

Одновременно Китай сохраняет **традиционные методы стимулирования экспорта**, такие как увеличение ставки возврата налогов при вывозе некоторых видов продукции и мягкое снижение курса юаня. В 2014 г. среднегодовой курс юаня к доллару США достиг пиковых значений в 6,143 юаня за доллар. В 2016 г. он составил 6,6423, а в 2017 г. – 6,7518 юаня за доллар.

Вместе с тем особое значение придается развитию такой новой формы ведения внешней торговли, как **трансграничная электронная торговля**. В последние годы был принят ряд нор-

26 Подробнее см.: Investing in China's Free Trade Zones (2017) // China Briefing, September 21, 2017 // www.China-briefing.com/news/2017/09/21/investing-in-chinas-free-trade-zones.html, дата обращения 31.01.2019.

27 2018 нянь Чжунго дуйвай маои фачжань хуаньцзин фэнсяи [Анализ среды развития внешней торговли Китая в 2018 г.] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20180508092571.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

мативных документов, регламентирующих порядок ее ведения, а в середине 2018 г. – Закон КНР об электронной торговле. Официальных данных о ее объеме пока нет. Подчас называются величины вплоть до триллиона долларов, однако объем трансграничной электронной торговли платформ, находящихся под управлением таможен, составил в 2017 г. лишь 90,24 млрд юаней – на 80% больше, чем в 2016 г. [Чжунго дуйвай маои фачжань баогао 2018]. Видимо, эти данные не включают торговлю, ведущуюся непосредственно крупнейшими китайскими провайдерами электронной торговли (Алибаба, Амазон, Цзиньдун молл, Ихаодянь). 80% объема трансграничной электронной торговли КНР составляет ее экспорт [China Trade Report 2016, p. 84].

Пекин продолжит усилия по **формированию новых межгосударственных зон свободной торговли** (ЗСТ). На середину 2016 г. КНР имела 14 соглашений о создании двусторонних и многосторонних (с АСЕАН) зон свободной торговли. Последняя по времени договоренность такого рода – предварительное соглашение о ЗСТ с Маврикием, подписанное во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Африку в сентябре 2018 г. Продолжаются переговоры по созданию ЗСТ в формате Китай – Республика Корея – Япония, активизировавшиеся в 2017 г. вслед за некоторым смягчением политических китайско-японских отношений. Китай несколько лет назад энергично продвигал инициированное АСЕАН соглашение о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве в Восточной Азии (RCEP – Regional Comprehensive Economic Partnership), однако в последние год-два его энтузиазм поубавился, возможно в связи с переключением центра тяжести на более приоритетный для Пекина формат «пояса и пу-

ти». По мнению ряда экспертов, «торговое» в создании РСЕР объясняется также позицией Индии, опасющейся наплыва дешевых товаров из других стран, но продвигающей свою идею либерализации рынка труда [Miller 2017, p. 15]. Тем не менее в целом КНР сохраняет приверженность практике межгосударственных ЗСТ, выступив с предложениями создания Зоны свободной торговли АТР [FTAAP – Free Trade Area of the Asia-Pacific] и формирования глобальной сети высококачественных ЗСТ [China Trade Report 2016, p. 85].

В долгосрочной перспективе важным фактором усиления внешнеэкономических позиций Китая может стать **интернационализация юаня**. Процесс повышения его места в мировой торговле и экономике уже идет. За период 2012–2016 гг. по доле в расчетах в сфере мировой торговли юань передвинулся с 15-го места в мире (0,25%) на 6-е (1,67%). С такими темпами роста он может в десятилетней перспективе обойти японскую иену. По доле в сделках на валютном рынке юань с 17-го места (0,9%) в 2010 г. передвинулся на 8-е в 2016 г. (4%). Здесь есть перспектива в течение 10 лет обойти британский фунт стерлингов. Китайские эксперты полагают, что у юаня есть шансы стать третьей по значимости валютой мира после американского доллара и евро [Пэй Чжанхун, Лю Хункуй 2017, с. 40].

Оценивая возможное развитие внешнеэкономических связей Китая на ближайшее десятилетие, можно предположить, что он почти наверняка сохранит позиции одного из мировых лидеров по торговле товарами и услугами, привлечению иностранных капиталов и инвестированию за рубежом. Ориентация Пекина на форсированное инновационное развитие страны может способствовать дальнейшему облагоражи-

ванию китайского экспорта. По оценке зарубежных экспертов, в 2020 г. доля Китая в глобальном экспорте продукции перерабатывающих отраслей может достичь 22–23%, что выше его доли в мировом населении (19%) и валовом продукте (15%). Вместе с тем улучшение позиций по товарам с высокой добавленной стоимостью будет даваться Китаю крайне тяжело: ведь производство такой продукции остается весьма зависимым от импортных компонентов и интеллектуальной собственности [Kroeber, Wang Dan 2017, pp. 39, 45]. В структуре китайского экспорта сохранится весомая доля традиционных товаров (одежда, обувь), а в импорте – топливно-сырьевых и продовольственных товаров.

Пекин продолжит достаточно эффективные усилия по наращиванию масштабов торговли услугами, особенно современными их видами, развитию электронной торговли, сохранению относительно благоприятного внешне-торгового режима за счет участия в межгосударственных зонах свободной торговли.

Однако страна сталкивается с перспективой некоторого ухудшения внешних условий для внешнеэкономической деятельности. США и Западная Европа усилили гонения на инвестиции из КНР, сорвав целый ряд крупных сделок «слияния и поглощения» с участием китайского капитала под предлогом предотвращения нарушений в сфере интеллектуальной собственности и несанкционированной утечки технологий. Болезненные последствия для китайской экономики может иметь тотальное повышение в США ввозных тарифов на товары, импортируемые из КНР²⁸. Заслуживает внимания и абсо-

лютно негативное отношение Запада к программе «Сделано в Китае – 2025». Создается впечатление, что Запад всеми силами стремится помешать сокращению своего технологического отрыва от КНР.

В данном контексте особое значение для сохранения и усиления позиций Китая в мировой торговле и инвестиционной деятельности будет иметь более-менее успешная реализация проектов «пояса и пути», способная компенсировать вероятное охлаждение экономического взаимодействия Пекина с Западом. Можно ожидать и усиления интереса Пекина к развитию связей с Россией, Евразийским экономическим союзом, государствами формата БРИКС, «незападным миром» в целом.

Список литературы

Ван Ян (2017) Туйдун синчэн цюаньмянь кайфан синь гэцзуй [Продвигать формирование новой архитектуры всесторонней открытости] // Жэньминь жибао. 10 ноября 2017 (на китайском языке).

Портяков В.Я. (2018) Внешняя торговля КНР в 2011–2013 гг. // Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. М.: Форум. С. 319–331.

Потапов М.А. (1998) Внешнеэкономическая политика Китая, проблемы и противоречия. М.: Буква.

Пэй Чжанхун, Лю Хункуй (2017) Чжунго цзэнъян маньсян маои цянго: игэ синьдэ фэньсю сылу [Как Китаю стать сильной торговой державой: новый метод анализа] // Цзинцзи яньцзю [Экономические исследования]. № 5. С. 26–42 (на китайском языке).

28 Фэн Е. (2018) Чжун Мэй маои чжань дэ мин юй ань [Явное и тайное китайско-американской торговой войны] // Наньфан чжоумо, Гуанчжоу. 29 марта 2018 (на китайском языке).

Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика] (2017) // Пекин. № 12 (на китайском языке).

Чи Фулинь (Чжу бян) (2017) Диэрцы кайфан: цюаньцюхуа шицзы лукоу дэ Чжунго сюаньцзэ [Чи Фулинь (гл. ред.) Второй раунд политики открытости: выбор Китая на перекрестке глобализации]. Пекин, Чжунго гунжэнь чубаньшэ (на китайском языке).

Чжунго гунчаньдан ди шицзюцы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь [Документы XIX Всекитайского съезда КПК] (2017). Пекин, Жэньминь чубаньшэ (на китайском языке).

Чжунго дуйвай маои синши баогао (2018 нянь чуньцзи) [Доклад о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018 г.] // zhs.mofcom.gov.cn/article/cbw/201805/20180502740111.shtml, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

Чжунго фуу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018] // images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf, дата обращения 31.01.2019 (на китайском языке).

Чжунго юй шицзе маои цзучжи. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань синьвэнь баньгунши 2018 нянь 6 юэ [Китай и Всемирная торговая органи-

зация. Канцелярия информации Госсовета Китайской Народной Республики. Июнь 2018 г.] (2018) // Жэньминь жибао. 29 июля 2018 (на китайском языке).

China Trade Report 2016: Post-Crisis Development. (2016) Trade Team of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. – Beijing, China Social Sciences Press, 2016.

Hanemann T., Huotari M. (2018) EU–China FDI: Working towards Reciprocity in Investment Relations // MERICS Papers on China. Berlin, May 2018 // <https://www.merics.org/en/papers-on-china/reciprocity>, дата обращения 17.08.2018.

Kroeber A., Wang D. (2017) The Export Upgrade Challenge // China Economic Quarterly, vol. 21, no 2, pp. 37–47.

Lemoine F., Unal D. (2017) China's Foreign Trade: A “New Normal” // China & World Economy, vol. 25, no 2, pp. 1–21.

Miller T. (2017) The Belt and Road to Leadership // China Economic Quarterly, vol. 21, no 2, pp. 9–16.

Miller T., Kratz A. (2016) Open Checkbook, Closed Market // China Economic Quarterly, vol. 20, no 3, pp. 37–43.

Report on the foreign trade situation of China. Spring 2015. Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2015.

From the Point of Economic

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects

Vladimir Ya. PORTYAKOV

DSc in Economics, Professor

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 117997,

Nakhimovskiy Av., 32, Moscow, Russian Federation

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

CITATION: Portyakov V.Ya. (2019) Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 1, pp. 44–68 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68

Received: 06.10.2018.

The article was prepared with the financial support of RFBR, project № 18-014-00030a.

ABSTRACT. *The People's Republic of China marks in December 2018 the 40th anniversary of the economic reform start. Its integral part was external economic openness of the country which replaced former Mao Zedong's policy of autarky. The article deals with the main achievements of China's foreign trade in goods and services and cross-border investment cooperation of the country during reform period. Shortcomings and problems in these spheres are shown.*

The article analyzes the formation of the second stage of foreign economic openness in China, which is associated primarily with the initiative to build land and sea "silk roads" and with the creation of a number of experimental free trade zones in the country.

The possible prospects of further development of China's foreign economic relations, taking into account various internal and external factors, are analyzed.

Briefly summing up the results of China's foreign economic openness policy in the years of reform, we can say that it has played a crucial and irreplaceable role in the modernization of the country and its transformation into one of the leading powers in the world, in absorbing norms and rules of the world market. China has become one of the world leaders in terms of trade, attracting foreign investment and investing abroad. Beijing has adapted itself well to the process of globalization of the world economy and has become one of its main beneficiaries. China's official position is currently distinguished by its commitment to globalization, resistance to protectionism, and support of active economic cooperation in all areas. This position is quite natural, since foreign economic relations will remain one of the leading factors in China's development for the foreseeable future.

On the way to achieving the goal proclaimed by Beijing – to turn the country from a "big"

trading power into a “powerful” – China has much to do in order to overcome the weaknesses revealed in its foreign trade and foreign economic relations in general, and also to take more fully into account the often fair claims and demands of its trade and economic partners.

Beijing is working hard on a strategy for further development of foreign economic relations. Particular importance is attached to the formation of a wider network of trading partners along the routes of land and sea “silk roads”. It is necessary to significantly increase the share of China's Western territories in country's foreign trade and investment activities abroad. Beijing is planning to form a group of multinational companies with Chinese capital, which have high international competitiveness. The development of products with high value added, the struggle for the high prestige of goods of famous Chinese brands, the search for new ways of trade in services and goods, the formation of new interstate free trade zones will be continued.

In practical terms, one of the most important steps is the formation of pilot free trade zones in China itself. They are designed to work out the transfer of China's foreign trade and investment activities to advanced international standards, to prepare further opening of the Chinese market (including financial, social, educational services) for foreign investors.

KEY WORDS: People's Republic of China, foreign economic openness policy, foreign trade, investment, “Belt and Road initiative”, experimental free trade zones, prospects

References

- Chi Fulin (Zhubian) (2017) *Di erci kaifang: quanqiu hua shi zhi lukou de Zhongguo xuanze* [Chi Fulin (ed.) The Second Round of Opening-up: China's Choice at the Crossroads of Globalization], Beijing, Zhongguo gongren chubanshe (in Chinese).
- China Trade Report 2016: Post-Crisis Development. (2016) *Trade Team of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences*. – Beijing, China Social Sciences Press, 2016.
- Haiguan tongji [Customs Statistics] (2017), Beijing, no 12 (in Chinese).
- Hanemann T., Huotari M. (2018) EU–China FDI: Working towards Reciprocity in Investment Relations. *MERICs Papers on China*. Berlin, May 2018. Available at: <https://www.merics.org/en/papers-on-china/reciprocity>, accessed 17.08.2018.
- Kroeber A., Wang D. (2017) The Export Upgrade Challenge. *China Economic Quarterly*, vol. 21, no 2, pp. 37–47.
- Lemoine F., Unal D. (2017) China's Foreign Trade: A “New Normal”. *China & World Economy*, vol. 25, no 2, pp. 1–21.
- Miller T. (2017) The Belt and Road to Leadership. *China Economic Quarterly*, vol. 21, no 2, pp. 9–16.
- Miller T., Kratz A. (2016) Open Checkbook, Closed Market. *China Economic Quarterly*, vol. 20, no 3, pp. 37–43.
- Portyakov V.Ya. (2018) Foreign Trade of the PRC in 2011–2013. *Portyakov V.Ya. Ants Gnawing at a Bone. Selected texts of Russian Sinologist*, Moscow: Forum, pp. 319–331 (in Russian).
- Potapov M.A. (1998) China' Foreign Economic Policy, Problems and Contradictions, Moscow: Bukva (in Russian).
- Pei Zhanghong, Liu Hongkui (2017) Zhongguo zengyag manxiang maoyi qiangguo: yige xinde fenxi silu [How China May Become a Powerful Trade Country: New Method of Analysis], *Jingji yanjiu* [Economic Studies], no 5, pp. 26–42 (in Chinese).
- Report on the foreign trade situation of China. Spring 2015. *Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce of the People's Republic of China*, 2015.

Wang Yang (2017) Tuidong xingcheng quanmian kaifang xin geju [Stimulate the Formation of New Architectonic of All-around Openness]. *Renmin ribao*, November 10, 2017 (in Chinese).

Zhongguo gongchandang di shijiuci quanguo daibiao dahui wenjian huibian [XIX Congress of the Communist Party of China. Documents] (2017), Beijing, Renmin chubanshe (in Chinese).

Zhongguo duiwai maoyi xingshi baogao (2018 nian chunji) [Report on Situation in China's Foreign Trade, Spring 2018] (2018). Available at: zhs.mofcom.gov.cn/article/cbw/201805/20180502740111.shtml, accessed 31.01.2019 (in Chinese).

Zhongguo fuwu maoyi zhuangkuang (Fujian si) [China in Trade in Services. Attachment 4 to "Report on Situation in China's Foreign Trade, Spring 2018"] (2018). Available at: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf, accessed 31.01.2019 (in Chinese).

Zhongguo yu shijie maoyi zuzhi. *Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan xinwen bangongshi 2018 nian 6 yue* [China and World Trade Organization – Information Department, State Council of the People's Republic of China. June 2018] (2018). *Renmin ribao*, June 29, 2018 (in Chinese).